

24 июля 1986 г., там же

— **28 сентября** (1985 г.) были в гостях у Кореньковых, отмечали день рождения Юры (39 лет, на самом деле день рождения у него 29-го, но это было воскресенье, а отмечали в субботу, чтобы на следующий день не на работу идти). К концу вечера, когда все уже хороши были и начали расходиться потихоньку по домам, на кухне собрались покурить Нинка, Женя Лексутов, Юра Ерогов и я. С чего-то я начал их распекать за неинтеллигентность и безразличие к науке, ничего их кроме аппаратуры не интересует, а аппаратура им, что игрушки малым делам - для забавы, поиграли, надоело, бросили. Целыми днями в игры дурацкие на ЭВМ играют как картёжники.

— Их лидер - Слава Карвецкий (про Иванова, их непосредственного начальника, не говорю, они все зовут его почтительно "шеф" и чувствуют дистанцию между ним и ними по всем параметрам), мужик очень толковый, но растрчивает весь свой интеллектуальный потенциал на кроссворды и прочую ерунду (игры в поезде, а не чтение). Ребята отбивались и дружно защищали Славу. На прощанье я настойчиво приглашал всех походить ко мне на лекции в университет, раз в неделю, как раз я со следующей недели начинаю читать теоретикам, Иванов несомненно отпустит.

— Хорошо бы, конечно, да не отпустит Иванов, работы сейчас очень много, - оправдывались Женька с Ероговым, а Нинка считала, что ей уже бесполезно физику слушать.

— Кореньковы провожали нас и Саенок домой, мы с Юрой отстали и шли позади всех.

— Зря ты их так распекал, - говорил мне Юра. - Они и так закомплексованы, их и Иванов за это же ругает, за пассивность научную, и они всё прекрасно понимают, но ведь это же непросто - перестроиться с инженерной работы на научную, с электроники на физику, одного желанья мало, у них ведь образования не хватает.

— Вот я и предлагал им походить ко мне на лекции. А ругал за общую неинтеллигентность, что книжки не читают.

— Но обижать всё равно не надо, они же хорошие ребята. Надо помягче.

— Это уж у меня натура такая, особенно в подвыпившем состоянии. Срываюсь на менторское вещание.

— Разговор пошёл об искусстве общения. Кореньков рассказывал о некоем старом интеллигенте, с которым познакомился нынешним летом, когда они с Алёшкой отдыхали где-то в Краснодарском крае. Он поразил Коренькова чем-то, но чем больше всего - я так и не уловил, запомнил только, что "он всё знает, всё понимает, всё видел и всё пережил, и сохранил чувство собственного достоинства, мудро как-то ко всему относится", а я, помню, всё порывался возразить:

— А что толку в этой его мудрости, кому от неё польза, если, как ты сам говоришь, он не очень общительный?

— Так мы дошли до нашего дома, и я затащил Коренькова к себе (Нина вернулась домой раньше, до моста с их острова), Сашуля легла спать, а я достал бутылку сухого из холодильника, и мы просидели с Юрой на кухне чуть ли не до самого утра, часов до четырёх то есть. Я читал ему вслух отрывки из "мемуаров" о наших дискуссиях в компании с Ляцким, Мальцевым, Чмырёвым и Димулей о социализме, пролетариате и интеллигенции, демократии и тому подобных материях.

— Юра слушал очень внимательно, а когда я кончил, сказал, что не нужно подробно излагать все эти рассуждения. В сущности, в них самих нет ничего принципиально нового, интереснее ваши личные взаимоотношения и то, что с вами происходило. О чём вы спорили, тоже, конечно, интересно, но об этом можно сказать короче.

— А впрочем, пиши, как знаешь, как получится, - закончил он свою критику.

— Я сказал, что это пока только записки, не роман, мне важно изложить всё, что я

помню сейчас, пока помню, а потом будет видно, что с этим делать, сократить всегда можно.

— Тут Юра спохватился, что Нинка, наверное, беспокоится, куда он задевался, может, и не спит ещё, она такая. Теперь я взялся проводить его и защитить перед Нинкой, если она будет ругаться.

— Нинка встретила нас рыданиями, она и в самом деле не могла себе места найти: куда Кореньков делся, то ли машина задавила, то ли хулиганы напали. Вдвоём мы её успокоили и распили ещё бутылку сухого, теперь у них на кухне, после чего я пошёл домой без провожаний.

— Как ни странно, мы редко так общались с Кореньковым, моим ближайшим сотрудником, и нас не тянуло так друг к другу, как, например, меня и Серёжу.

— На работе я им был доволен. Будучи вторым по должности у нас в лаборатории (после меня) - старшим научным сотрудником (единственным, кстати, во всей обсерватории), Кореньков стал теперь в большей степени, чем раньше, года два, например, назад выделяться на фоне остальных. Раньше у него, как и у каждого, был свой участок - нижняя ионосфера, спорадические слои, и тут он был хозяин, узкий спец, но не больше.

— Эксплуатировал он на этом участке Надежду Тепеницину из Саенковской лаборатории, тайно и безнадёжно к нему равнодушную (якобы тайно для Коренькова и прочих мужиков, но уж не для Надеждиных товаров - Сашули, Галины Якимовой, Лены Васильевой). Саенко этой эксплуатации не препятствовал из братских чувств (как-никак они троюродные братья с Кореньковым) и по общей своей мягкости. Кореньков с Тепеничиной публиковали неплохие статьи, но если бы Кореньков занимался только этим, я бы считал, что он свою зарплату не отработывает.

— Когда мы начали разрабатывать очередную сверхбольшую модель, я назначил Коренькова ответственным исполнителем по всей этой теме и вменил ему в обязанность прямое руководство "группой программного обеспечения", состоявшей из Татьяны Парфёновой, теперь Глущенко, и Нины Наумовой, перешедших к нам из системных программистов от Шандуры. Это уже было исполнением обязанностей эсэнэса, и Кореньков с ними справлялся в полной мере. Мало того, он фактически координировал и работу Клименко с Карповым в части программных разработок блоков, за которые они отвечали; подталкивал меня к проведению очередных семинаров по большой модели и фактически вёл их.

— По его инициативе и под его контролем был составлен большой "внутренний" отчёт, которого с нас никто не требовал, но который позволил нам навести порядок в своих разработках, систематически описать их и быть готовыми "продать" кое-что любому заказчику, как только это потребуется без особых дополнительных авральных усилий с нашей стороны, то есть был создан задел "на продажу" вперёд.

— А тут ещё Кореньковская подруга - альпинистка Рената Дмовска, полячка, геофизик, через которую мы опубликовали в Acta Geophysica Polonica свою единственную заграничную статью по моделированию на английском языке, втянула нас через Коренькова в такую авантюру.

— Эта Рената перебралась из Польши в США как бы в командировку, застряла там и, похоже, возвращаться в Польшу не собиралась. В Штатах она работала в редакции журнала "Pure and Applied Geophysics" и предложила нам от имени редакции организовать тематический выпуск одного номера журнала, посвятив его полностью проблемам математического моделирования термосферы и ионосферы.

— Предложение было заманчивым, так как позволяло самим опубликовать в большом объёме свои результаты для международного читателя, но и весьма хлопотным, так как требовало большой работы по сбору, рецензированию и отбору работ других авторов - отечественных и зарубежных, да ещё при особенностях нашей системы общения (хоть и почтового) с границей.

— Я Коренькову сразу сказал, что на меня пусть не рассчитывает. Я в цейтноте с нашей

монографией с Брюнелли и этот журнал редактировать не смогу. Но считаю, что в наших интересах за это дело взяться. Кореньков пусть будет редактором и тянет всю переписку. Если понадобятся моя степень и авторитет - пусть вписывает и меня формально в редакторы, помогать я буду в этом деле, но вести всё должен он сам.

— Кореньков согласился, хотя вскоре и сам был уже не рад, настолько дело выглядело неясным в смысле возможности прохождения всех отечественных инстанций и даже просто возможности переписки с редакцией PAGEDPH и зарубежными авторами.

— Наконец, Кореньков проявил инициативу в ещё одном важном для нас деле и даже пострадал материально на этом. В последний год практически все вычислительные работы по большой модели мы проводили, как и в былые времена, в Вильнюсе на ЕС-1045. Альянс с ЦПКТБ развалился, там обнаглели совсем, времени давали мало, а запчастей, транзисторов и бумаги требовали много. Но и в Вильнюсе нас не баловали услугами, даже в выходные дни большими порциями время не давали, а нам требовались десятки часов непрерывного счёта.

— Выяснилось, однако, что обстановка там может быть улучшена за наличные деньги, а именно, если мы заключим с хозяевами договор на вычислительные работы, по которому они могли бы получить премию. Вот за это дело и взялся Кореньков. Договор был заключён где-то весной на срок до конца года. Все бумаги оформлял Кореньков, а мы с Ивановым подписывали. Составили фиктивное ТЗ, по которому сотрудники Института кибернетики и математики Академии Наук Литовской ССР должны были якобы осуществить какие-то программные разработки для нас. На самом деле предполагалось, что в обмен на этот договор нам будет просто предоставлен более благоприятный режим работы в институте на ЭВМ ЕС-1045.

— И, действительно, такой режим нам был предоставлен. Нам отдавали на счёт полностью выходные дни, а то и даже с вечера пятницы и до утра понедельника. Кроме того нам заказывали места в общежитии или в институте по нашему телефонному звонку и даже сами звонили нам - приедете ли? Аренда машинного времени теперь входила в смету договора, который оплачивал ИЗМИРАН, оговорена в договоре была и премия. Договор был небольшой (20 тысяч на 9 месяцев), и премия составляла что-то около 600 рублей - для ИЗМИРАНА не деньги в общем-то. Но когда пришла пора (в конце года) эту премию перечислять в Вильнюс, нас ожидал сюрприз.

25 июля 1986 г., там же

— Мы как раз только что распределили свою бюджетную премию за прошедший год и отослали проект приказа о премировании в ИЗМИРАН, там его должен был утвердить директор, после чего бухгалтерия высылала переводом деньги нам. Премия была невелика, особенно в сравнении с полученной осенью премией по "Тукану", за которую я боролся летом в Президиуме АН, даже ведущим сотрудникам не доходила до оклада, но тем не менее её ждали, на неё рассчитывали - утаить такие вещи от народа практически не удаётся.

— И тут мы получаем телеграмму из ИЗМИРАН от Самыкина, начальника финансово-планового отдела: "Премия для Вильнюса должна быть выделена из вашей бюджетной премии составьте новое распределение". Это в ответ на нашу просьбу ускорить расчёт с Вильнюсом!

— Я в эти дни был в отгулах (в начале января), ходил на зимнюю рыбалку, и Сашуля принесла вечером с работы записочку от Иванова:

— "Самыкин требует вычесть из нашей премии деньги для Вильнюса - 600 рублей. Это мы с тобой дали маху, подписав договор с оговоркой премии. Поскольку Вильнюс - это затея вашей лаборатории, то считаю, что с вас и нужно срезать большую часть суммы. 280 р я снял со всех остальных, а 320 р ты освободи со своих".

— Вот, ёлки-моталки!

— На следующий день с утра вместо рыбалки я поехал на работу - уговаривать Иванова не торопиться с перераспределением нашей премии.

— Самыкин нам голову морочит! Не может такого быть, чтобы мы Вильнюс должны были премировать из своего кармана. Эдак и договора заключать не следовало - сбросились сами бы со своих премий и передали бы из рук в руки наличные, и никакой мороки бумажной. Мы ведь акт подписали о выполненных работах на сумму 19400 р из общей стоимости 20000 р, а 600 р оставили для перевода на отдельный, премиальный счёт, как они просили! Эти 600 р входят в сумму договора.

— Я с Самыкиным разговаривал по телефону. Он говорит, что эти 600 р нельзя включать в смету договора, в ней нет такой статьи, они оговорены отдельно, и мы должны выплатить их из своего премиального фонда. Таков порядок и он его нарушать не собирается.

— Ну, ладно. Даже если так, но почему же тогда ты не хочешь просто изъять эти 600 р из общей суммы обсерваторской премии и перераспределить её по-новому? Ты хочешь нас наказать, но мы разве для себя старались? Разве вся обсерватория и весь ИЗМИРАН в наших работах не заинтересованы?

— Затея с договором ваша, вы и должны пострадать. Другие-то здесь причём? Я тоже отчасти виноват, поскольку подписывал то, что вы с Кореньковым мне подсовывали. Поэтому я часть суммы и снял со всех остальных.

— Ты снял с остальных меньше половины, это по десятке с каждого примерно придётся. А я в своей лаборатории должен 320 р снять с семерых, если Фёдора Бессараба не считать. Это почти по полсотни с каждого!

— А ты можешь их все снять с себя и Коренькова - это твоё право. И так справедливее всего будет. Инициатива наказуема, если приводит к плачевным результатам.

— Тут я вспомнил, наконец, про главного инициатора договора с Вильнюсом - Коренькова. Он же ведь как раз в Москве сейчас. Поехал как бы в командировку, а на самом деле повёз Алёшку в Дубну на зимние каникулы. Погулять на казённый счёт он не дурак, водится за ним такое. Я отпустил его неохотно - хоть бы повод придумал поприличнее для командировки, а то поехал "... оформлять договорные документы" - по этому самому договору, кстати. Вот пусть и разбирается там с Самыкиным. Только как с ним связаться?

— В ИЗМИРАНе у него было одно "дело" - проверить, подписаны ли акты и отправлены ли в Вильнюс, а если нет, то ускорить их отправку. Сделав это дело за полдня - за день, он смоеется, конечно, в Дубну. Поэтому я дал ему телеграммы и в гостиницу ИЗМИРАН, и в Дубну, на квартиру его приятелей (адрес я теперь хранил ещё со времён наших приключений перед поездкой в ГДР): "Немедленно свяжись с Самыкиным и разберись с премией для Вильнюса".

— Иванова я попросил подождать, премию не перераспределять, пока Кореньков не вернётся. Ведь есть и ещё один вариант - не перечислять премию в Вильнюс. Весь этот договор - сплошная липа. Деньги они берут практически ни за что. Хватит с них двадцати тысяч, обойдутся и без премии. Но это надо обсудить с народом, с теми, кто туда ездит, и с Кореньковым прежде всего. Для вильнюсцев безналичные 20000 - это ничто, цифры в бумажках, а 600 р - живые деньги себе в карман. Нам ведь с ними ещё работать.

— Ваня Карпов, когда я рассказал ему и Володе Клименко о случившейся накладке с премией, высказался, не раздумывая, вполне определённо:

— Чёрт с ними, с деньгами. Вильнюсцам премию надо отдать. Всё-таки работать при этом договоре стало гораздо легче. Больше нам рассчитывать не на кого - когда ещё своя машина заработает, и не надо с ними отношения портить.

— Клименко с ним согласился, хотя чувствовалось, что ему денег жалко, и он недоволен решением Иванова вычестить с нас большую часть суммы. Оставалась, правда, ещё надежда, что, может, Коренькову удастся чего-нибудь предпринять в ИЗМИРАНе.

— Но вот явился Кореньков из командировки.

— Телеграмму мою получил? - спрашиваю.

— Получил.

___ - Ну и что?

___ - Что - что?

___ - С Самыкиным разговаривал?

___ - Разговаривал. Ещё до твоей телеграммы.

___ - И что выяснил? Знаешь, что Самыкин требует чтобы мы с Вильнюсом своей премией поделились?

___ - Да, он мне это сказал. Сказал, что вильнюсцы нас надули при заключении договора. Вернее, мы сами себя надули.

___ Кореньков, похоже, не драматизировал ситуацию, а меня его разгильдяйское спокойствие раздражало.

___ - Не мы, а ты. Ты же оформлял все бумаги и включал этот договор о премии. Почему тогда не выяснил всё?

___ - Да мне и в голову такое не могло прийти, и Самыкина не было на месте, Наташа за него тогда бумаги визировала. Ну, и чего страшного? Поделится, не так уж деньги-то велики.

___ - Деньги невелики, если на всех разбросать. А делёжка уже произошла. Так что снимать надо с конкретных людей, которые про премию уже знают и на неё рассчитывают. И Иванов считает, что снимать надо, главным образом, с нашей лаборатории и в первую очередь с нас с тобой.

___ Тут Кореньков посерьёзней.

___ - Я не знал, что вы премию уже поделили.

___ Я по инерции отругал его за недобросовестное исполнение обязанностей (которые он сам на себя возложил), попрекнув за одно и поездкой в Дубну, а потом спросил:

___ - Может, не стоит Вильнюс того, чтобы им из своего кармана премии платить?

___ - Нет, премия им обещана, они из-за неё только нам навстречу и шли, - без тени сомнения, как и Ваня, уверенно ответил Кореньков. - Если мы их обманем, работать там будет невозможно, а больше, сам понимаешь, негде.

___ Собрались всем мужским составом лаборатории, чтобы окончательно решить этот вопрос, и решили - премию отдать, а с кого сколько снимать - это дело начальства, то есть моё и Иванова. Я, в свою очередь, поручил полностью окончательную делёжку Иванову, что тот и проделал, особенно не мучаясь. Снял со всех, выделив особо нас с Кореньковым, и немного поскрёб ещё и по другим подразделениям.

___ И никто, кстати, не возникал, не возмущался, никаких вопросов даже не задавали - почему премию урезали.

___ Народ был ещё под впечатлением премии по "Тукану", которая, знали, чуть не ушла от нас, а оказалась такой огромной (просто выплатили сразу за всю тему, а не поэтапно или по годам, как раньше). Получили её где-то осенью, к ноябрьским праздникам, кажется. Мне выдали 1300 р, а Сашуле 450.

___ Я ехал домой на велосипеде с кучей денег в кармане и решил заехать по дороге в "Спорттовары" на Советском проспекте - может, куплю себе чего с премии: лодку или палатку, о которых давно мечтал, а то и то, и другое сразу - денег-то навалом. В магазине оказались и лодки, и палатки, да что-то я не решился ни на что: летний сезон прошёл, куда это сейчас - только квартиру загромождать. Купил лески на рубль - этим и удовлетворился.

___ Правда, в конце месяца мы с Сашулей сподобились-таки на приобретение - стиральную машину "Сибирь" отхватили, о которой Сашуля давно мечтала.

26 июля 1986 г., там же

___ Наша старая "Рига" стала подтекать, сгорел мотор, поставили новый - опять та же история, это что же, каждый раз теперь по 35 рублей платить? "На фиг, на фиг, - завопили бароны". И я вынес её на мусоросборочную площадку, откуда её мигом унесли.

___ Больше полгода (чуть ли не год) жили мы без стиральной машины. Гонялись как-то за

"Малюткой" (буквально - на мотоцикле), их выкидывали понемногу то там, то здесь в конце месяца, но всюду опаздывали. Причём продавцы делали вид, что понятия не имеют, когда они будут и будут ли, а покупатели (не мы, конечно) знали всё загодя и даже сколько вынесли на продажу, а сколько оставили для своих, кипели страсти.

— "Сибирь" нам бы тоже не досталась, но мы привлекли нашего дедулю, как ветерана, и ему с боем и с лаем удалось вырвать для нас столь нужную вещь.

[\(продолжение следует\)](#)

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыбакова-любителя"](#)